

В ЧАС ОТДЫХА... Снимок сделан в Виешенской прошлым летом

Фото В. КРОХИНА

ЕСТЬ произведения, которые созданы в веках. К числу таких вершин создаваемой человечеством духовной культуры, вне всякого сомнения, принадлежит роман Михаила Шолохова «Тихий Дон». Уже теперь эта книга прочно стала в ряд крупнейших, драгоценнейших творений мировой классики.

Образы ее героев, ее гуманистическое содержание, ее глубокая народность, безукоризненно верно отраженная в ней правда жизни, с поражающей силой выразивший себя в ней могучий талант художника слова — завоевывают миллионы, покоряют сердца.

Григорий и Аксинья с их любовью, с их порывами к счастью, с их поисками истины, с их трудными судьбами и сложными дорогами в жизни... Наталья и Дарья... Михаил Кошарский... Семьи Мелеховых, Астаховых... Сколько сердец они заставили биться учащенно, сколько людей заставили волноваться, надеяться, размышлять о смысле и содержании человеческой жизни!

Мы произносим ставшие уже привычными слова: шолоховский пейзаж... и перед высланным взглядом нашим — не охватываемый глазом простор донской степи и в ее поразительном цветении, и в черных пятнах пожарищ, и в весеннем пробуждении, с ее голосами — птица, ветра, полой воды — и запахами...

И все это служит тому высокому и мудрому искусству, которое Максим Горький назвал человекознанием.

Очевидны глубинные связи творчества Шолохова с великими традициями отечественной и мировой классики. Не случайно выдающиеся современные писатели, утверждая, что романы и рассказы Шолохова по праву вошли в сокровищницу мировой литературы, чаще всего сопоставляют «Тихий Дон» с «Войной и миром» Льва Толстого. Нет нужды повторять здесь хорошо памятные многим слова признания и восхищения, прозвучавшие из уст очень разных писателей. Хотелось бы только напомнить сегодня их имена. Это Роман Роллан и Эрнест Хемингуэй, Джеймс Олдридж и Анри Труайя, Джек Лондон и Андре Вормсер, Чарльз Перси Сноу и Вилли Бредель, Марти Ларни и Ярослав Ивашкевич...

Как крупнейший представитель социалистического реализма в литературе Шолохов создал и созидает собственную благородную и мощную традицию. Можно говорить о «шолоховском» Шолохова. Но этот термин требует точного пользования им. Представление о «шолоховском» как о заимствовании, копировании суммы внешних приемов, пусть наиболее характерных, крайне сузило бы и обеднило истинное представление о воздействии шедевров этого великого мастера на творчество его собратьев, на сам

процесс развития литературы. Что же следует признать дисциплинами шолоховской школы в литературе? Среди прочего, видимо, постоянную устремленность тематики к судьбам народным, тяготение к эпическому изображению событий истории на ее гребнях, любовное и проникновенное внимание к внутреннему миру рядовых тружеников, безупречную правдивость живописи, зоркость к героике, к романтике, рвущейся в будущее, напряженнейший

о великих творениях мастера? В разные годы и в разных странах привлекло мое внимание, наблюдать не однажды, какой любовью пользуется повсюду творчество Шолохова, какое место занимает оно в духовной жизни людей, какова сила его воздействия на сознание человека, на его душу.

Вот как бы мозаика — отдельные впечатления, из которых, надеюсь, сложится в восприятии читателя нечто цельное.

ВЫСОКОЕ И МУДРОЕ СЛОВО

Юрий ЛУКИН

динамизм сюжетов, властное вторжение в прозу стихии народной песни, мастерское владение сокровищами родной речи, страстная, жгучая любовь к человеку и столь же страстная, столь же жгучая ненависть ко всему античеловеческому... очень трудно поставить точку в этом перечне.

Мне вспоминаются прекрасные слова Андре Вормсера: «О социалистическом реализме надо судить по его шедеврам. По «Тихому Дону».

В ОДНОМ из ранних сборников шолоховских рассказов была помещена совсем коротенькая автобиография еще очень молодого тогда прозаика. В ней была знаменательная фраза: «С 1926 года пишу «Тихий Дон»...»

Читатель, судя по первой главе, должен был бы думать, что это начало романа. Но в 1928 году журнал «Октябрь» напечатал две начальные главы романа, написанного молодым прозаиком, которого до того знали только как автора замечательных «Донских рассказов», уже обещавших дебютанту большое будущее в литературе. Мировая известность и слава пришли сразу.

В 1932 году заканчивается публикация в журнале «Октябрь» третьей книги «Тихого Дона». В том же году автор принес ее вместе с первой книгой нового романа «Поднятая целина» в издательство, которое ныне носит название «Художественная литература».

Тогда-то и выпало мне счастье встретиться с писателем. Это была встреча за рабочим столом: молодому редактору издательства доверили подготовку текста «Тихого Дона» к изданию. Вскоре появилось и заново просмотренное автором издание двух первых книг романа.

В 1937—1938 годах в журнале «Новый мир» печатаются главы четвертой книги (7-я часть). Впереди остается только заключительная, 8-я часть произведения. Одна за другой ложатся на бумагу в окончательном оформлении виде главы, эпизода, страницы, до

...Мартовские дни 1965 года в одном из древнейших университетских городов Европы — Лейпциге. Здесь происходит знаменательное событие в культурной жизни континента: работает международный научный симпозиум, посвященный теме «Михаил Шолохов и мы». Жители города, проходя по улицам Цейльнерштрассе и Либигштрассе, видели в те дни на фронтонах зданий, в которых размещались тогда институты Университета имени Карла Маркса, освещенные весенним солнцем флаги социалистических стран — ГДР, Болгарии, Польши, Советского Союза, Чехословакии, Югославии...

Дух этого международного симпозиума, посвященного Шолохову и месту его творчества в духовной жизни современника, удачно выразил в краткой и емкой формуле профессор Йенского Славянского института (ныне профессор Университета имени Гумбольдта в Берлине) Гарри Юнгер, сказавший, что книги Шолохова — хорошие помощники тем, кто любит жизнь и мир.

...В том же году, через семь месяцев, выпадает на мою долю почетная и приятная миссия встретиться с писателем, чтобы взять у него для «Правды» первое интервью как у лауреата присужденной ему за роман «Тихий Дон» Нобелевской премии 1965 года.

На вопрос: «Как вы относитесь к присуждению вам Нобелевской премии?» — Михаил Александрович ответил:

— Разумеется, я доволен присуждением мне Нобелевской премии, но прошу понять меня правильно: это не самоудовольствие индивидуума, прощалося писателем, получившего высокую международную оценку своего труда. Тут преобладает чувство радости от того, что я — хоть в какой-то мере — способствую прославлению своей Родины и партии, в рядах которой я нахожусь больше половины своей жизни,

и, конечно, родной советской литературы. Это важнее и дороже личных ощущений, и это, по-моему, вполне понятно.

И добавил: — Есть и еще одно чувство удовлетворения: жанр романа, сама закономерность существования которого в современных условиях некоторыми литературными ставилась под сомнение, получил как бы свое утверждение.

...Еще и еще воспоминания. Поезд, носящий название «Тихий Дон», доставил на донскую землю гостей из ГДР. Они приехали сюда из Лейпцига, чтобы вручить писателю диплом почетного доктора философии. Звание это присудило М. А. Шолохову ученым советом Университета имени Карла Маркса в знак признания его творческого писательского труда, в котором соединяется мастерское изображение человеческих судеб с показом революционных событий, а также в знак высокой оценки его воздействия на социалистическую немецкую литературу и на мировую литературу и за то, что его творчество стимулирует и оплодотворяет литературную науку. На собрании в венесуэльской культуре, вручая писателю диплом и приветственный адрес,

профессор Эберхард Брюнинг сердечно поздравил его. Немцы, дружно поручили мне прочитать этот адрес на русском языке. В документе содержались глубокие суждения о творчестве Шолохова в целом, о «Тихом Доне» в частности: «Шолохов пополнил галерею вечных образов мировой литературы новыми образами, в которых раскрываются черты не только революционного русского народа, но и всего человечества, освобождающегося от оков старого мира... Историческая емкость и перспективность романа-эпопеи «Тихий Дон» придает ему исключительную высокую общественную и художественную ценность. Мы уже теперь вправе утверждать, что это произведение наряду с античным и народным эпосом и с «Войной и миром» Шолохова может быть отнесено к величайшим эпическим творениям мировой литературы».

Творчество Шолохова оказало существенное влияние на формирование немецкой социалистической литературы. Длинный ряд лавочек, где торгуют сувенирами, различными изделиями народных искусников-мастеров, забавными игрушками. Тут же в тазах с водой продают живность — раков-отшельников с их домиками-раковинами, крохотных сушарых черепах... Зашел и я с переводчиком в такую лавочку выбрать сувенир. И вот, стоило продавцу осведомиться у переводчика, из какой страны покупатель, как она поспешно спросила, не с писателем ли Шолоховым он приехал. Получив утвердительный ответ, она попросила показать ей, где Шолохов. Возникла недолгая суматоха, всякая торговля в этой, и в соседних лавочках приостановилась, все продавцы скрывались внутри помещений. Появились снова, они бережно несли

...НОВЫЕ и новые встречи.

«Михаил Шолохов завоевал широчайшую популярность у японских читателей своими романами «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Поэтому множество людей горит сейчас желанием хоть раз увидеть великого писателя», — писала газета «Майнити» в связи с приездом Шолохова в Японию по приглашению тамошней Ассоциации литераторов.

...Смело прыгают люди с рожками катеров на высокий трап, ловко взбираются наверх. Два-три катера с ворчанием едут обратно; подойти бесполезно к борту большого корабля пробившиеся в бухту штормовые волны так и не дали. Но большинство желающих все же сумело достигнуть цели — подняться на высокую палубу. Журналисты спрашивают, не вызовет ли у Шолохова возражение их просьба устроить импровизированную пресс-конференцию: теплоход еще не скоро подойдет к причалу. Писателя извещают, что на палубе собрались сотрудники крупнейших газет страны, репортеры радио и телеви-

Войцех

ЖУКРОВСКИЙ, депутат сейма ПНР

ПОКЛОН ИЗ ПОЛЬШИ

ШОЛОХОВ был хорошо известен у нас еще до войны, до того, как он к нам приехал и мы с ним познакомились. Его великомерно переводил человек, которому он был очень близок по духу, старый боец и прекрасный поэт — Владимир Броневский. Броневский, а потом Анджей Ставар перевели на польский «Тихий Дон». Этот замечательный роман покорил нас силой, широким дыханием, живыми героями, огромным, самобытным талантом автора.

Если бы я сам не был литератором, то, читая Михаила Шолохова, мог бы подумать, что книга эта написана, выплыла сама собой, с той буйной свободой, с какой бьет родник, дряна чистой живой водой, — эту прозу хотелось пить, и жаль было откладывать книгу,

прочитав слово «конец». Шолохов покорил нас, потому что рассказывал мужественную правду о трудном пути и драматическом выборе, о войне и революции. Я читал «Тихий Дон» еще школьником и никак не мог себе представить, что когда-нибудь встречу с Шолоховым, что буду с ним беседовать вскоре после окончания войны с абсолютной искренностью, с как-то разговаривает солдат с с. д. д. и, что столкнусь с той особой доброжелательностью, с какой признанный мастер обращается к молодому коллеге, делающему первые шаги в литературе.

Встреча наша состоялась во Вроцлаве во время работы Конгресса деятелей культуры. Это было начало ширившегося движения за сохранение мира, когда миллионы людей на земном шаре объединились против ядерной монополии США, против бомбы, которую империалисты пытались использовать для политического шантажа.

...Угловой, просторный номер в гостинице, сквозящее открытое окно, виден театр. На площади, образованной на месте разрушенных войной домов, теплый ветер поднимает красную кирпичную пыль, просвечиваемую лучами солнца. Шолохов внешне оказался не похожим на своих героев: небольшого роста, щуплый, с коротко остриженными волосами. В расстегнутой из-за жары рубашке он пил чай. В те же чашки мы пили чай. Немного спирта, и начался настоящий мужской разговор.

Мы быстро сошлись на том, что атомный шантаж не пройдет. Вспомнили войну, погибших друзей. Потом разговорился о лошадях и оружии — я ведь служил в конной артиллерии, нас тоже учили саблей рубить. Шолохов одобрително слушал, аставлял реплики, а иногда срывался с места и шагал по комнате своей характерной походкой.

Когда мы расстались, Шолохов пригласил меня приехать к нему в станицу, где мы будем кормить жеребят с бархатистыми ноздрями, ловить рыбу и варить уху. Сердечно меня обнял и пожелал новых книг...

Прошли годы. Шолохов получил Нобелевскую премию, которая давно принадлежала ему по праву. В народной Польше десятки раз переиздавались его произведения, и растущий интерес к ним стал одним из свидетельств революционных перемен, происшедших в обществе.

Крестьянская газета «Дзень людзвы» ежегодно проводит у нас опрос читателей, выявляя наиболее понравившуюся им книгу — она может быть и переводной. Автору-победителю этого плебисцита присуждается приз «Золотой колос». И я хорошо помню, когда этот приз был присужден Шолохову.

Восьмидесят тысяч писем получала тогда редакция, где люди объясняли, почему «Тихий Дон» — их любимая книга:

«Люблю Шолохова, потому что он знает жизнь, эту нелегкую жизнь, но он умеет радоваться ей. Ему известно, что такое дружба и любовь, но он знает также, что такое смерть, а без этого нельзя оценить каждый подаренный нам судьбой день».

«Он хорошо разбирается в лошади, а кто любит их, не может быть плохим человеком».

«Замечательно, что он пишет толстые книги: словно весь мир туда вмещается, и можно пожить в нем».

«Все у него, как в жизни. У нас тоже так было. Другая одежда, другие обычаи, а люди те же, как у нас в деревне. И у нас таких полно — сидят и пишут о них».

«Столько книг выходит, и они забываются. А эту хочется постоянно иметь под рукой, чтобы к ней возвращаться».

Нет, кажется, ничего красноречивее такого бесхитростного суда обыкновенных читателей. Сегодня, в канун 75-летия крупнейшего писателя наших дней, я хочу от имени миллионов польских читателей выразить ему глубочайшую благодарность за те книги, которые он нам подарил. Пусть он знает о том, что они поселились навсегда в польских домах и тазах, что их не держат на полках, а читают, читают... И это дает их автору шанс на писательское бессмертие.

То ХОАЙ.

заместитель генерального секретаря Союза писателей Вьетнама

НЕИСТОЩИМЫЙ ЖАР СЕРДЦА

УТЬ шолоховских книг к нам, вьетнамцам, был труден. Больше тигра и корбы болели французские колонизаторы революционных идей советской литературы, с такой силой и яркостью выраженных в произведениях этого выдающегося писателя. И потому широкие круги вьетнамских читателей смогли познакомиться с творчеством М. Шолохова лишь 35 лет назад — после августовской революции. Но, как говорится, чем длиннее и опаснее дорога, тем радостнее и дороже встреча.

Сразу же после нашей победы — в октябре 1945 года — орган ЦК фронта Вьетнама, ежедневная газета «За спасение Родины» начала в каждом номере подвалом в третьей полосе публиковать «Тихий Дон». Парижское издание этого шолоховского романа мы нашли в брошенной французским ханойской библиотеке, куда она, на наше счастье, попала, очевидно, по недосмотру какого-то чиновника. Печатайте, правда, нам довелось его очень недолго, всего в тридцати номерах. Началась война. Сопротивления против французских колонизаторов, и новой встречи с любимым писателем Шолоховым вьетнамцам пришлось ждать еще девять лет.

Но когда в 1954 году «Тихий Дон» вышел в свет отдельной книгой, ее прочитала, без преувеличения, вся страна! Сам дух многопалых, эпических, потрясающих по своему эмоциональному воздействию книг Шолохова настолько созвучен с тем, что переживали мои земляки, что в число первых же произведений советской литературы, изданных во Вьетнаме, вошли также и «Поднятая целина», и «Судьба человека». Они звали к борьбе, ясно показывая ее цели, учили побеждать.

Как писатель, часто обращающийся к тем же сложным проблемам революционной лямки в жизни и сознании людей, что и Шолохов, к проблемам, которые не охватывали одним взглядом, я высоко ценю историзм его романов. Непростые судьбы шолоховских героев, их порою противоречивые поступки можно понять лишь потому, что автор знакомит нас не только с их настоящим, но и с жизнью их предков, с их прошлым — и это позволяет заглянуть в их будущее.

Особо хочу выделить, однако, одно, пожалуй, самое прекрасное, самое драгоценное свойство слова, начертанного пером Шолохова — настоящая, большого художника. Оно правдиво и достоверно, как сама жизнь. Вьетнамцы, никогда не бывавшие на берегах могучего Дона, словно воочию видели казацкие станицы, им близки и понятны трагическая, сожженная несчастной любовью Аксинья, неистовый, грезящий мировой революцией Нагульнов. Только подлинный гуманист, человек необыкновенно страстной и широкой души, досконально знающий жизнь, может со столь неотразимой убедительностью лепить такие запоминающиеся образы.

Сейчас вьетнамские литераторы, наряду с вопросами идейного содержания и разработки сюжета, первоестественное внимание уделяют художественной форме своих произведений. И творчество Шолохова в наши дни изучается во Вьетнаме как никогда пристально и углубленно. Многие, особенно молодые, вьетнамские писатели — я сам слышал от них это — благодарны Михаилу Александровичу за его книги — учебники жизни и творчества, за неистощимый жар души и любовь, которые он так щедро дарит людям. А читатели его редкостного таланта не счесть на всех континентах.